

НА ПОЛЯХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ

«П

СИХОЛОГИЧЕСКИЙ жест — это понятие, которое ввел Михаил Чехов. Он имел в виду, что

когда человек очень хочет быть понятным, то его жест, его посадка, соположение всех частей его тела становятся направленными активно изнутри.

Можно вывернуть карман, но сделать это по-разному. Мол, вот все, что есть... Или раздраженно: ни черта нет. Милиционер делает жест, разрешающий проезд. Можно исполнить его как приглашение. Но наши милиционеры предпочитают командную интонацию.

У меня сугубо профессиональный совет: давайте попробуем изменить жестикуляцию общения и, может быть, нам удастся смягчить собственные нравы. Попробуем не культивировать не в частной жизни, не с экрана телевизора лагерный способ общения, который у нас до сих пор преобладает.

Что есть культура, на которую по обыкновению принято возлагать надежды? Это, что собрание картин, богатые

Сергей Юрский в гостях у Бориса Ноткина

библиотеки, театры, музеи? Культура — это самоограничение.

Юрский имел в виду одно — способность в ситуации борьбы за выживание сохранять человеческое достоинство, способность быть лояльным по отношению к потенциальному сопернику.

Ведущий истолковал идею самоограничения на свой лад:

— Вы, Сергей Юрьевич, я знаю, много работали за границей, вы ездите не на БМВ, а на нашей «пятерке».

На что Юрский пошутил: «Мне репертуар не позволяет ездить на иномарке».

Нешуточный завелся разговор, когда Борис Ноткин коснулся темы благотворительности.

Сначала ее видение изложил хозяин:

— Вот нормальная ситуация: государство обеспечивает основы жизнедеятельности. Оно обеспечивает нормальное здравоохранение, развитие художественной культуры, науки. А сверх этого нормального, на что-то этакое изысканное, на что-то особенное, на что-то замечательное богатые люди дают деньги. Ненормальная ситуация, когда вся культура стоит с протянутой рукой.

Все правильно. Но со следующей оговоркой. Артисты и культура слишком

много кричат: «Дайте нам денег! Дайте нам денег». Надо бы сделать паузу, несмотря на то, что действительно катастрофически не хватает средств на существование. Идет катастрофическое обнищание среднего и нижнего слоя актеров.

Человек должен зарабатывать по праву и соизмерять с заработанным свои расходы.

Но взять за основу систему, при которой все держится на подачках, подаяниях и благотворительности? Чтобы повседневный заработок черпался из благотворительного фонда? Это и в самом деле не очень нормально.

С другой стороны, возникла категория людей, непонятно каким образом разбогатевших. Может быть, они и достойные люди. И если так, я хотел бы с ними дружить. Но если я слишком им кланяюсь, у нас и дружба не получится. Какая тут может быть дружба, если ты ему все время кланяешься, а он тебе что-то подает.

Ну, что у российской интеллигенции за судьба. Почему мы все время должны кого-то благодарить? Недавно благодарили родимую партию. Мы говорили: спасибо родимой партии за наше счастливое утро, за наш счастливый день, вечер и наступающую ночь. Но и сейчас точно так же. Спасибо за то, что я работаю в театре, господам таким-то и товарищам таким-то. Вся страна превратилась в нищих, которые ищут тех, кого благодарить за этот обед, за этот ужин, за эти десять минут на телевидении. Кто спонсирует нашу передачу и кому сказать спасибо. Слишком много «спасибо» унижает человека. И тут совсем другой появляется психологический жест. Жест жалкого человека, вышедшего из шинели Башмакина. А мы же вроде распрямиться собирались.

Благотворительность есть исключительное дело, по поводу исключительных вещей. Но сама жизнь не должна быть подарком какого-то доброго дяди. Никто не подарил тебе жизнь, кроме Господа Бога и твоих родителей. И никто не смеет тебя благотворить. Не только подайте Христа ради. Но и возьмите Христа ради. Просто возьмите — оскорбление.

Разумеется, эмоционально Юрский абсолютно прав: у нас не умеют ни просить с достоинством, ни подавать, не оскорбляя. Так ведь это у тех и у других — в крови. Потому что те и другие выросли при советской власти. Просто прежде человек культуры находился в униженном положении по отношению к анонимному государству, персонифицировавшего в тех или иных партийных функционариатах. А теперь кланяться и зависеть приходится на приватизированной основе. И ты — не государственный служащий, и он — не представитель Системы. Производственные отношения изменились, а поза та же. И дело не столько в том, что нет возможности распрямиться, сколько в том, что распрямляться не очень-то и охота. Распрямляться больно, как во время приступа радикулита.

Если все мы вышли из известной шинели, то стоит все время помнить, чем дело кончилось для бедного чиновника. Он стал призраком. Притом пугающим, мстительным Призраком-хулиганом. Призраком-бандитом.

Новенькая шинель, пошитая из надежд перестроенной поры, похищена. Неужто и нас это сведет с ума?

Юрий БОГОМОЛОВ.

166